

ชาวเล
ЧАО ЛЕ

ДЕТИ МОРЯ

Мариша
Кель

18+

**Мариша Кель
Наталья Иванова
Чао Ле**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50185925

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07999-1

Аннотация

«Когда будет срублено последнее дерево, когда будет отравлена последняя река, когда будет поймана последняя птица, – только тогда человек поймёт, что деньги нельзя есть». Основано на реальных событиях. Подводное землетрясение в Индийском океане, произошедшее 26 декабря 2004 года, вызвало цунами, ставшее самым смертоносным в истории. До разрушительного цунами о Чао Ле практически ничего не знали. После того, как морской кочевой народ без письменности за несколько часов до цунами оставил свои дома и ушёл в горы, к ним стали проявлять интерес. Они – «Дети Моря». Им открыты истины.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	51

*Когда будет срублено последнее дерево, когда
будет отравлена последняя река, когда будет
поймана последняя птица, – только тогда человек
поймёт, что деньги нельзя есть.*

Мудрость индийского народа

Глава 1

Я никогда не думал, что моё сердце останется в океане. От берегов Сиама сейчас отбывает другой человек, не я. Человек без сердца не может быть мной. Я навсегда остаюсь с тобой, мой глоток воздуха после длительного погружения, мой свет над толщей воды, Лии... Моя принцесса неизведанного королевства, мой маленький отважный боец, моя Лии, я прощаюсь с тобой и со своим сердцем... ลีอาห์.

* * *

Двумя неделями ранее.

Серый вялый дождь все эти дни лениво моросил, не переставая. Только три дня как вернувшись из Лондона, я вновь поднимался по мини-трапу частного самолёта, следующего на этот раз в «королевство солнца, тепла и света», как выразился мой давний приятель Стеф. Маленькая птичка ревела как очумелая, частично заглушая его страстную речь:

– Они всегда жили в этих водах, охотились в этом море. Оно для них всё и даже больше, – выкрикивал мне Стеф, безуспешно пытаясь переорать шум ветра и жужжание самолёта.

Я не особо страдал от акклиматизации, но мигрень и поганое настроение сопровождали меня везде и всюду, постоянно. Особенно теперь, когда ни с того ни с сего усилившийся дождь стал заливать мой рюкзак с дорогушей оптикой. Моим драгоценным линзам, конечно же, ничто не угрожало, но я злился и нервничал, а Стеф продолжал орать:

– Я рад, что ты вызвался помочь, и я очень ценю тебя как профессионала, нам нужны такие, как ты, Ник, так что я несказанно счастлив и признателен тебе, – громко расплылся Стеф.

Если бы он знал, сколько раз мне приходилось слышать подобное.

Стеф сыпал комплиментами, я раздражался, турбины продолжали реветь.

Мой друг был выдающимся журналистом и выступал ярким правозащитником обездоленных и несправедливо обделённых. В общем, был против «власть имущих» и за всех «тварей дрожащих». Стефан Тильк, чтоб его!.. Покинув стены родной альма-матер с красным дипломом, он тут же направился в самое пекло, туда, на южный фронт нашей необъятной Родины освещать и, что немаловажно, гасить военные конфликты. Идиот.

Нужно сказать, что именно эта способность в дальнейшем послужила стремительному взлёту его карьеры. Став первым, кто осветил события с кардинально другой точки зрения, совершенно противоположной от властителей мира сего, он определился как одиозная личность, и прозвище «Скандалный репортёр» крепко пристало к имени Стефана Тилька.

В этот раз нам предстояло донести до общественности нашего континента проблемы и беды южно-азиатского народа. Даже не народа, а небольшого поселения, всего-то вымирающая деревушка цыган, обосновавшихся на Андаманском побережье Королевства Сиам.

Стефан с неудержимой страстью и предательской невозможностью поведал мне эту трагическую несправедливость. В какой-то момент я даже подумал, что его несёт горячка или имеют место быть запрещённые химические препараты, но всё оказалось весьма серьёзно. Серьёзно и весьма...

Меня удивляло, что нашлись и другие очень состоятельные сторонники этой борьбы за «территорию для цыган». Этот факт меня успокаивал и придавал уверенность в успехе нашего дела.

Так как мы уже поднялись на борт, мне посчастливилось отвечать, не надрывая связки.

– Ты не оставил мне выбора, Стеф, предложив сменить серость и заунывность красок на вкус свежего манго с яркими брызгами океана.

Я устал от вечного холода. Нам, детям и жителям этого города, вечно не хватает солнца. Нехватка этой великой звезды сказывается на каждом из нас почти осязаемо. Да, этому городу часто приписывают красоту Венеции и сказочность Стокгольма, но декабрьская хандра в этой местности невыносима. Тем более если вы яркая, творческая личность, вам следует: «Уезжать! Бежать из Петербурга!..», как советовал великий поэт.

Вняв этому совету, я с радостью ухватился за предложение моего друга поработать с ним «на другом конце света».

Стеф уселся рядом со мной и решил было продолжить информационную атаку, но на борту прибыло.

Нашему взору предстала очаровательная блондинка в сопровождении рыхлого пухляка и хилого долговязика. Если бы я писал комиксы, то моими героями стали бы непременно они. Все трое. Блондинка тут же стала отдавать распоряжения и размещать свой багаж, состоящий из всевозможного алкоголя и кондитерских изделий. Движения новой спутницы были столь грациозны и порывисты, они состояли преимущественно из наклонов и изгибов, поэтому пристальное обозрение её соблазнительных форм заставило Стефа заткнуться, а меня – отвернуться к иллюминатору.

Наконец Стеф опомнился.

– Ларуш, давай я помогу тебе.

«Ларуш?! Интересно, что это?.. Что-то интимное, судя по всему», – смекнул я. Пока я тайно любовался блондинкой,

мужское трио, состоящее из Стефа, пухляка и долговязика, сражалось с многочисленной «ручной кладью» Лары. Сопровождающая нас стюардесса даже не решилась подать голос с предложением о помощи, хотя изначально была готова на всё.

Осмелился я:

– Стеф, чем могу помочь?

Блондинка, моментально переключив своё внимание, направилась ко мне, оставив бедного Стефа бороться с багажом. Она улыбнулась своей голливудской улыбкой, и я бы непременно пропал, если бы мне нравились блондинки. Её рентгеноскопический взгляд живо и остро пробежался по мне в первой оценке, и, как я полагал, она была более чем удовлетворительна.

– Лааара, – протяжно произнесла она и также медленно протянула свою ладошку ко мне.

Тут же подхватив её, я не замедлил с ответом:

– Друзья зовут меня Ник.

– И я могу?

– Отчего же нет?

Она улыбнулась ещё шире, хоть я и не думал, что такое, в принципе, возможно.

Тут наше перспективное знакомство прервал Стеф:

– Лара – этнограф и лингвист.

– О-о-о, как Даль, – неудачно попытавшись пошутить, продемонстрировал свою эрудицию я.

Абсолютно не уловив тонкой пленительной связи в искрометности моего юмора, Стеф всё же посмеялся для приличия и не замедлил продолжить уже совершенно серьёзно:

– Лара будет нашим связующим звеном – переводчиком.

Сказав это, Стеф по-свойски попытался прижать блондинку к себе, но, отпихнув его, она пробралась по салону самолёта и скрылась за моим креслом. Я тут же отметил для себя эту приятную случайность, и моё настроение впервые за эти три дня заметно улучшилось.

– Это Влад и Эд, – хлопнув по плечу, продолжил знакомить меня с новоприбывшими Стеф. – Они наша броня!

– Не совсем понимаю, – нарочно напустив устрашающего пафоса, в отместку Стефу процедил я, пожимая руки мужчинам.

– Отвечаем за вашу безопасность и наш возможный комфорт, – поспешил уточнить за Стефа длинный.

– Хорошо, что слово «возможный» ты отнес к комфорту, а не к безопасности, – парировал я.

– Всё будет в лучшем виде, – пообещал мне пухляк и похлопал меня по плечу.

Долговязый уже уселся и пытался разместить свои бесконечные ноги, а я поспешил было к своей блондинке, но решил задать Стефу хоть какой-то вопрос, чтобы того не очень пугала моя звёздно-патетическая выходка.

– Влад и Эд, а кто из них кто? – спросил я первое, что пришло на ум.

– Влад – длинный. Эд – короткий. Как и их имена. Я так и запоминал, – захохотал Стеф, облегчённо признав во мне прежнего меня.

И, как по сговору, герои нашего разговора повернулись одновременно.

– Ник, сфоткай нас! – восторженно попросил Эд-пухляк.

Настроение моё ухудшилось мгновенно, и я отчётливо услышал за спиной, как Стеф судорожно сглотнул. Не проявив ни малейшего энтузиазма, я поднял свой Nikon и щелкнул пару раз, собираясь тут же удалить сделанные снимки, в этот момент в проёме меж кресел за моей спиной появилась Лара:

– Delite¹, гений?! Я никому не скажу.

Стеф уже успел занять своё место, сознательно избегая моего вопросительного взгляда. Он, собака, знал, что многообещающая улыбка Лары перекроет мне всё и всех в этом самолёте, так оно и произошло, конечно.

В один миг Лара очутилась в моём ряду и быстро пристегнула ремень безопасности.

Наше воздушное судно, потряхивая, набирало скорость для взлёта.

Мне всегда было интересно, почему в большинстве случаев на взлёте разговоры умолкают? На любой теме, на любой недосказанности, на полумысли. Большинство ждёт момента, когда высота набрана и период «взлёт» окончен. Так

¹ «Delit» – англ. «удалить».

произошло и со мной, и с моей собеседницей.

Какое-то время мы сидели в тишине с закрытыми глазами, откинувшись на спинки кресел, и молчали.

Эту небесную тишину прервала Лара, точнее, её улыбка.

Лара повернула ко мне своё лицо, и её прекрасные щёки налились как яблоки.

– Привет, – протянула она.

– Привет, – вторил я.

– Не хочешь выпить?

– Выпить? Это можно.

Лара достала из своей сумочки маленькую фляжку, быстро отвинтила крышку и глотнула горячительную жидкость. От поспешности пара капель из уголков её восхитительных губ скатилась на подбородок. Она захихикала и протянула мне фляжку.

– Глотни, – заговорщически предложила она.

Я сделал добрый глоток и почувствовал золотой цвет. Это был коньяк. Я обожал коньяк. До того, как мне не исполнилось тридцать, я не понимал вкус коньяка и Ремарка, потом, в тридцать, похоронил отца и всё понял.

– Держи, – вырвала меня из хреновых воспоминаний Лара.

Она протянула мне наливное яблоко. «Как её щёки», – подумал я.

Лара долго-долго, в упор смотрела на меня и молчала. И что же сделал я?

Конечно же, то, чего ожидает каждая прелестная особа от именитого фотографа с фотоаппаратом на шее.

В мире лишь несколько профессий, которые дают мужчинам преимущества перед женским полом. Моя – одна из них. Это как профессия «пластический хирург». Каждая женщина обязательно задаст вопрос: «Что бы вы во мне изменили?» И «повелитель красоты и совершенства» обязан ответить так: «Ничего. Вы прекрасны!» Другого не дано!

Вот так же и я, обязан отдавать должное внимание женскому тщеславию. И после щелчка произносить что-то вроде: «Ты замечательно выходишь... Тебе не говорили, что ты могла бы быть моделью?» И даже нет надобности произносить эту чушь убедительно. Женщина, нуждающаяся в подобном, всё додумает сама. Но бывают исключения... Таким исключением оказалась Лара. Умная. С умными вообще непросто.

– Ну, Ник. Как бессовестно... – далее продолжил её низкий соблазнительный смех.

Я понял, что облажался, и поспешил сменить тему:

– Так ты у нас этнограф? Совершенно не очевидно. А чем занимаются этнографы? Изучают быт и культуру народов мира?

– Тебе действительно интересно?

– Ну, впереди у нас десять часов полёта...

Лара, недолго помолчав, вновь сладко улыбнулась. Это должно было скрасить, по её мнению, долгий рассказ про эт-

нографию.

– Основным методом этнографии, – бойко начала она, – является наблюдение быта и нравов народов земного шара, их расселения и культурно-исторических взаимоотношений.

Я изо всех сил пытался включить свой интерес, но постоянно отвлекался то на мелькавших мимо стюардесс в голубом, то на губы Лары, а теперь я всерьёз озадачился вопросом: «Какого года выпуска наш самолёт?»

– Этнография изучает современные народы не только в их существующем, но и в их историческом и культурном развитии, – вторым планом доносились до меня слова Лары.

– Знаешь, чем привлекательны и уникальны Чао Ле?

Когда Лара произнесла загадочное «Чао Ле», глаза её за сверкали, точно два алмаза на ярком солнце, и теперь это сияние привлекло моё внимание.

– Знаю, – ответил я.

Не мог же я ударить в грязь лицом. Я продолжил:

– Все обездоленные и обиженные народы вызывают неподдельный интерес и стремление доброй половины человечества им помочь. Тем более у вас – этнографов – «вымирающий вид», который принижают и притесняют, это даже не интерес, это просто «манна небесная».

Лара закусила нижнюю губу и после серьезного раздумья отрицательно покачала своей светлой головой.

– Нет, – заключила она. – Возможно, как вариант, но нет.

Я мягко и ласково улыбнулся такому её ответу. Истинная

женщина! Что за ответ: «Возможно, как вариант, но нет»? Не хватает только: «да», в самом начале.

– Ты, Ник, видно, совсем не понимаешь, с кем мы имеем дело? – таинственно произнесла она. – Чао Ле – это невероятные представители рода человеческого.

– Удивительно! – отнёс я больше к самой Ларе, чем к её высказываниям. – Для начала объясни мне, пожалуйста, что это означает? Чао Ле, есть перевод этому?

Лара смотрела на меня во все глаза, отчаянно не веря в моё невежество.

– Я тебе разъясню, тёмный ты человек!

Лара задиристо хохотнула, и мне стало прямо-таки хорошо. Да ещё и шампанского принесли, разумеется, мы не отказались, а взяли по бокальчику, запивать коньяк. Лара поморщилась от такого сочетания напитков, но, надкусив яблоко, продолжила:

– «Люди моря» – так переводится «Чао Ле». Некоторые переводят это как «Дети моря». Во всём мире их осталось несколько тысяч, а может, и того меньше.

– Ты этнограф и не знаешь наверняка?! – нарочито удивлённо спросил я Лару, пытаясь спровоцировать её.

– Это невозможно узнать! – возмутилась она тут же. – Это ж цыгане. Морские цыгане. Они ведут кочевой образ жизни, не задерживаясь подолгу на одном месте. У них есть свой древний язык, но нет письменности. По этой причине никакой информации в библиотеке ты о них не найдёшь! Они

сторонятся цивилизации и лишь изредка появляются на берегу пополнить запасы необходимым.

– И что же для них является необходимым? – подкинул я очередной вопрос своему очаровательному этнографу.

Очень уж мне пришлось по нраву её возбуждённое повествование.

– Сигареты.

– Сигареты?! – почти искренне удивился я. – Массовое оружие против всего человечества и их настигло? Как?!

В то же самое время мне страсть как захотелось покурить. Я даже поёрзал в кресле и содрогнулся. Зависимость, что б её...

– Туристы, – ответила на мой вопрос Лара. – Мокен всегда существовали обособленно и не особо жаловали людей суши, но нынешнее положение вещей заставляет их общаться с туристами.

– Понятно, «Экскурсии к аборигенам», – деловито заключил я, пытаясь отвлечься от навязчивого желания сделать за тяжку.

Лара как-то странно улыбнулась и продолжила:

– Знаешь, кто занимает первое место во всём мире по экспорту самого редкого жемчуга?

– Нет, – пьяно улыбнулся я ей, придвинувшись чуть ближе.

– Таиланд. А знаешь, кто добывает этот жемчуг в таком количестве и такого качества?

– Нет, – повторился я, наклонившись совсем близко к Ларе.

– Мокен! – прошептала она, как какую-то страшную тайну, и всучила мне в руки фляжку.

В ответ Ларе я ошеломительно присвистнул и, сделав глоток, продолжил слушать лекцию о чудо-народе.

– Мокен – настоящие амфибии. Да, да... Одна шведская исследовательница, не помню, как ее... – уставившись в одну точку, как бы «зависая» в своих мыслях, прервала свою речь Лара.

На своём веку я встречал мало людей, троих или двоих, с подобной странной способностью... Моя младшая сестра Роза умела так же «зависать», как и Лара. О чём-то разговаривая с тобой, шагая по улице или надкусывая яблоко, она могла прерваться в любой момент жизни и отстраниться от всего происходящего вокруг. Будто ушла домой на пару минут, а потом вновь вышла и продолжила гулять.

Я по молодости всегда злился на Розу и начинал махать ладонью перед её ничего не видящими распахнутыми глазами.

– Ну, что ты опять перезагрузку включила, – смеялся я над сестрой.

Роза как-то объяснила мне, что в такие моменты она погружается в себя и проваливается в собственный мир мыслей, ей очень комфортно блуждать по их лабиринтам. При этом она не покидает собеседника, вполне видит и слышит

меня, но вторая часть её сознания находится далеко и не обращает на меня никакого внимания. Вот и теперь моя собеседница Лара секунды две «перезагружалась», а потом продолжила:

– Ой, прости! Со мной так бывает... – начала оправдываться она. – Я... просто...

– На секунду заскочила домой? – понимающе улыбнулся я ей.

– Точно! – засмеялась Лара, обрадовавшись моей реакции на её странность.

– Так вот, – чуть покраснев от смущения, продолжила Лара: – О чем я говорила?

– О шведской исследовательнице, – учтиво подсказал я.

– Точно! Так вот, она выяснила, что у «морских цыган» способность видеть под водой гораздо выше, чем у европейцев. Их зрачки приобрели умение особым образом сужаться и менять фокус зрения. Ни у каких других народов в мире такой способности нет. За долгие годы проживания в таких условиях их лёгкие претерпели генетические изменения, произошли адаптационные формирования...

«Какие сложные слова, и чтобы они могли значить?..» – эта мысль, видимо, так ярко отобразилась на моём удивлённом лице, что моя собеседница на мгновение остановилась, всё поняла и, решив мне всё популярно разъяснить как школьнику, продолжила:

– Биологическая эволюция, понимаешь?!

– Нет... – невозмутимо пребывая в пьяном добродушии, ответил я.

Не сдав позиций, продолжая бороться с моей неспособностью понять, она попыталась объяснить предельно просто:

– У них тренированные лёгкие, понимаешь? И это позволяет им ловить рыбу на глубине до двадцати трёх метров. Они уникальны! И всё богатство морей и океанов принадлежит им!

По завершении этой фееричной речи Лара отсалютовала мне фляжкой и, запрокинув её, сделала хороший глоток.

– Как я понял, мокены – это...?

– ...Это морские цыгане, – выдохнула блондинка и продолжила: – Они делятся на три этнические группы: Мокен, Моклен и Урак Лавой – все они говорят на разных языках. Но только Мокен до сих пор живут как кочевники. Именно с ними нам предстоит жить, изучать и защищать их.

– От кого? – удивился я.

– От тех, кому они мешают. От жадных, бездушных толстосумов, которым нужно застроить всё побережье отелями и возить толпы китайцев на заповедные острова. Чтобы окончательно весь мир превратить в помойку.

– А куда смотрит правительство?

– Правительство не смотрит. Мокен не существует, у них нет документов, подтверждающих личность. Нет прав на собственность, на имущество. Они остались далеко в прошлом, и они погибают.

– А как же их заслуги перед отечеством в плане экспорта?

– Что за чушь? – отмахнулась Лара.

– Чушь, – согласился я.

Но Лара разошлась не на шутку, активно размахивая руками, пытаясь донести до меня весь ужас происходящего, и щёки её при этом лихорадочно пылали.

– Ещё в девяностых годах в Бирме из-за открытий морских нефтяных транснациональных корпораций «морских цыган» принудительно переселяли на сушу! – воинствующе ораторствовала Лара. – Они быстренько состряпали закон о принудительном переселении этнических подозрительных групп. Ты можешь себе такое представить? Не «уникальных», а «подозрительных»!

– Д-а-а... сложно им... – заключил я.

– Мы справимся! Я верю в это. И если ты на борту этого судна, значит, ты тоже веришь?!

Подобно озёрам, глаза Лары, блеснув, наполнились слезами. Она взяла мою руку в свою и, крепко сжав её, страстно прошептала:

– Ты же веришь?

– Верю, – утвердительно кивнул я и приблизил своё лицо к Ларе, в надежде занять её губы чем-то поинтереснее рассказов о Мокен.

А что я мог?! Коньяк, запитый шампанским, сделал своё пагубное дело.

– Расскажи мне ещё что-нибудь, – попросил я, – ты так

интересно говоришь, и у тебя приятный голос.

Лара заглянула в мои пьяные глаза и, откинувшись на спинку кресла, стала длинно говорить мне о загадочном и далёком народе.

Она рассказывала долго, очень интересно, но усталость и выпитое количество алкоголя сделали своё дело, – я уснул.

Приснился мне довольно странный и дурной сон. Если бы я на тот момент мог предвидеть своё будущее, я бы с точностью разгадал его.

Лазурно-голубая вода вокруг меня становилась алой и густой. Ко мне тянулась смуглая тонкая рука, и я к ней, пытаюсь ухватить. Казалось, вот она уже была близко и вот-вот наши пальцы соприкоснутся и я поймаю её, но она вновь ускользала от меня. И волна её чёрных волос, руки и изгибы её тела исчезали в ужасающей дали. А я продолжал тянуть к ней руки и не мог дотянуться... не мог кричать... я не мог ничего.

* * *

Я проснулся с отвратным привкусом беспомощности и перегара.

Наш самолёт нёсся, дребезжа и подсакивая по посадочной полосе международного аэропорта Пхукет. Десятичасовой перелёт закончился, но это было только начало нашего путешествия. Далее нам предстоял полуторачасовой переезд

до города Панг Нга и ещё сто двадцать пять километров до нужного нам пирса Кхура Бури. Ну, и потом ещё около четырёх часов морской прогулки к Суринским островам, дабы оказаться на месте назначения. А именно, остров Сурин Нуа был нашим конечным пунктом.

Мы выгрузились из самолёта, то и дело потягиваясь и разминая затёкшие конечности.

– Ник, ты выспался? – спросила игриво Лара.

– Более чем! – не менее игриво ответил я, хотя был разбит и подавлен.

Почему-то именно в этот момент я понял, что секс будет.

Хорошая мысль подняла мне настроение, и, взяв из рук Лары все её многочисленные сумки с тоннами конфет и литрами спиртного, войдя в прохладное здание аэропорта, я на мгновение вновь почувствовал себя человеком.

Нам предстояли ненавистные таможенные заморочки, но с получением багажа всё было неожиданно скоро и приятно. Есть свои прелести в перелётах частными самолётами, идёшь вне очереди, но весь багаж тащишь на себе.

* * *

Первая затяжка после длительного воздержания всегда прекрасна. Это как глоток воды в изнуряющую жару. И даже лучше... Если бы мне пришлось выбирать, я бы выбрал первое и умер бы с улыбкой на губах.

Я курил, наслаждался и ждал. Стеф бегал вдоль здания аэропорта и бесконечно с кем-то ругался, и договаривался, и снова ругался. За ним следом бегал длинный-Влад и тоже пытался договориться.

Я курил. Рядом со мной молча курил Эд. Мы шурились на непривычно яркое солнце и молчали. Казалось, время остановилось и расплавало нас, как лучи этого сильного солнца. Голова шла кругом, конечности онемели, и ничего не хотелось. Только воды, потому что сигареты кончились.

Вскоре к нам присоединилась Лара в сопровождении местного, объясняя ему что-то, отчаянно и широко жестикулируя. Затем она махнула в нашу сторону, призывая за собой. Мы все, как стадо навьюченных мулов, двинулись за ней, волоча сумки и чемоданы.

Местного мужчину звали Мон, как я и подозревал, щадя нас, он не озвучил сразу своё полное имя, а представился как полагалось уже в автобусе. Его полное имя звучало так: «Монгкут Хонгсаван», что означало: «Коронованный Небесный Лебедь». Смешно?! А человек живёт.

Я как мог сдерживал смех и даже улыбку, даже намёк на улыбку, пока не встретился взглядом с Эдом. Тот покраснел как помидор из-за душившей его сдержанности, но, как только наши взгляды пересеклись, грубый громкий ржач сотряс нас одновременно.

Было стыдно. И смешно. Смешно и стыдно, но больше, конечно, смешно. Я тысячу раз извинился перед Монгкутом

и, чтобы как-то смягчить своё ржачно-свинское поведение, дружески обратился к Мону: – А ты молодец, Мон, что так значительно облегчил нам жизнь, выбрав это имя.

– Я знаю, что наши имена для вас сложные, – с хитрым прищуром, улыбаясь, ответил Монгкнут. – «Moon» коротко означает луна.

В прохладном и комфортном автобусе мы расположились как монгкуты-короли.

Оказалось, что Мон очень хорошо говорит на русском и даже знает всех нас по именам и роду деятельности.

– Пресная вода здесь главное богатство, – начал знакомить он нас с местными правилами и обычаями. – Каждый, кто хочет вас уважить, будет предлагать вам «возможность жизни» – воду.

Прослушав всё сказанное выше, мы все как по сговору сделали по глотку из бутылок, предусмотрительно оставленных на сиденьях для каждого из нас, с благодарностью оценив главное богатство здешних мест.

Стеф, открыв блокнот, начал что-то быстро записывать, затем, на секунду оторвав свой взгляд от блокнота, поинтересовался:

– А как дела у наших морских друзей? Они ждут нас?

Мон утвердительно кивнул и после паузы продолжил:

– Мы подали прошение к нашему королю Махараджи об аудиенции, чтобы просить его взять мokenов под свою защиту и покровительство. С его разрешения можно организо-

вать, как это называется... когда всем миром то... не знаю... забыл... – прервался Мон, подбирая нужное слово.

– Я понял, как фонд помощи, – подсказал ему Стеф. – Это хорошо. Это уже что-то. Надеюсь, после нашего освещения дело сдвинется с места. Мы привлечём внимание мировых лидеров, не только вашего Рама. Поднимем этот вопрос на масштабный уровень, а главное – на человеческий. Найдётся много неравнодушных. Я уверен.

– Спасибо вам! Рама девятый – хороший правитель, он поможет, он великий. Мы очень благодарны. И постараемся сделать вашу жизнь здесь удобной и незабываемой.

– Уж постарайтесь, – хохотнул Стеф, хлопнув Мона по плечу, – с нами фотограф мирового уровня, – Стеф подмигнул мне. – Я наобещал ему всё самое лучшее!

– Так и будет. Всё так и сделаем, – кивнул мне Мон, глядя через зеркало заднего вида.

Я дружески улыбнулся Мону в ответ и перевёл своё внимание к проносящемуся за окном.

Удивляло меня здесь всё. Я немало путешествовал по долгу службы, многое повидал. Но Азия мало меня привлекала. В ней не было гламура, не было эстетичной роскоши, сдержанности, что было главной отличительной чертой моих работ. Я запечатлел практически всех мною уважаемых звёзд Голливуда, в планах оставался лишь Сэр Филип Энтони Хопкинс.

Шик, роскошь и элегантная сдержанность были моим кре-

до.

Заслуженно или нет, но я слыл в профессиональных кругах одним из важнейших мастеров модной фотографии. Работая с Vogue, Vanity Fair и GQ², я чувствовал обожание меня и стиля, в котором я творил. С лёгкостью управляя общественным мнением, я навязывал вкусы, определял стандарты и по праву считался докой в своём деле. И я знал это.

На этой неделе я стал лауреатом самой престижной фотопремии «35PHOTO.Awards». Но подобное достижение уже не радовало и не щипало внутренним восторгом, как это было прежде.

Поэтому в этой части земного шара я был впервые. И это вовсе не огорчало меня.

Полуразваленные хибарки мелькали вдоль узкой дороги, по которой встречное движение, казалось, было невозможным, но, не сбрасывая скорости, машины всё же пересекались, и им каким-то чудом удавалось избежать столкновений. На совсем не широкой дороге процветало движение под лозунгом: «ЕКХ³!!!»

Встречные велосипеды с прикреплённым к боку сооружением в виде беседки ехали исключительно «навстречу». И в самый крайний момент, не сбавляя скорости, умудрялись нас объехать.

Деревянные и железные «беседки» были прилажены прак-

² Глянцевые журнал.

³ Еду как хочу!

тически ко всему, что имело колёса и ехало. Будь то байк, или мопед, или старинный мотоцикл дедовских времён. Мало того что беседки были битком набиты людьми, так что при желании их было бы невозможно даже сосчитать, они как обезьянки свисали по разным сторонам кибитки.

Вдоль дороги пышно раскинулась растительность всевозможных видов и цветов, но зелёный неоспоримо побеждал.

Также вдоль дороги, которую я с трудом называл «дорогой», тянулись совершенно жуткие километры проводов всяческой толщины и ширины. Вместе они создавали электрическую вакханалию, чёрный, резиновый бардак, остро режущий глаз, на фоне природных, буйственно цветущих красок.

Также резко контрастировали и выбивались из всеобщей нищеты и неопрятности дорогие блестящие авто.

У провалившегося домика с облупившейся и выцветшей на нещадном солнце краской тут же, под лучами того же солнца, сверкали, как правило, новенькие пикапы Ford или Toyota, которых в нашей стране почти не было.

Такой контраст меня озадачил и поразил: «Не в машинах же они живут?»

Позже я поделился своей наблюдательностью с Моном и получил странный, но удовлетворительный ответ.

Как оказалось, подобное существование – это философия и образ жизни местных жителей, сформировавшийся от их верований и их религии.

Буддизм несёт нам одну простую истину, как объяснил

мне Мон. Нужно выбирать верный путь. «Средний путь» – путь знания, мудрости, разумного ограничения, отказ от земных желаний, просветление. Конечной целью этого пути является Нирвана – высшая благодать.

При этом, как я понял, буддизм не был одинокой религией в Тае. С ним мирно сосуществовали и другие: мусульмане, христиане и даже последователи Конфуция тоже имели место быть.

А что касательно мokenов, то они вообще исповедуют спиритуализм, мистические идеалисты... Они верят, что каждый объект во вселенной имеет душу и она прекрасна.

Но, на самом деле, прекрасны они сами, верующие в существование души у неодушевлённого, чудачки, сказочные существа далёкого королевства Сиам.

На сегодняшний день королевство Сиам уже давно переименовано: «Мыан Тхай», по-европейски – Таиланд. Но для меня оно навсегда останется королевством Сиам, королевством моей юной принцессы, моей гордой мoken – Ли.

Тем более я наконец-таки понял, откуда появились эти злобные, вечно недовольные создания – сиамские кошки.

Странные животные. И вообще, я всегда больше любил собак.

У меня была лайка по кличке Шарик. До сих пор помню его хвост фонтаном. Хороший был пёс.

Кость от рыбы с мерзким названием сайда застряла в его горле, в трахее, и долго он боролся, и мы боролись за его

жизнь: капельницы, уколы...

Мне было лет девять, может, десять... Я лежал в своей комнате и обливался горькими слезами под музыку Moggione, которая гремела на всю квартиру.

Отец врубил, чтобы заглушить визги бьющейся в агонии собаки.

В какой-то момент визг стал непереносимым, я, не выдержав, выбежал к своему Шарикю. Мой пёс лежал на кухонном полу и, истошно воя и визжа, лез на стену. Глаза его налились кровью, и прежде блестящая шерсть стала коричнево-грязной от сочившихся сквозь кожу крови и гноя.

Мать сидела в углу кухни и, отвернувшись к окну, тихо плакала. Она ещё долго проклинала себя за этот кусок рыбы, что дала Шаруше.

Отец завернул его в одеяло и унёс. Вернулся уже один.

Позже, через года два, я услышал, как он рассказывал в сильном подпитии своему другу на той же кухне, что самое страшное, что он сделал в своей жизни, – это зарезал свою собаку, избавляя её от страшных мучений...

Отец рассказывал, что смотрел, как потухли глаза его животного, и, вернувшись домой, не мог посмотреть в мои глаза...

А кошка бы выжила.

Такие мысли застали меня посередине всевозможно-синего, широкого, как сама жизнь, Андаманского моря.

Ветер нещадно трепал мои волосы. Мой нос уже точно

сторел и светил ярко-красным.

Наша скоростная лодка быстро приближалась к берегу, легко скользя по лазурно-голубому шёлку моря.

Высокие скалистые горы окружали остров со всех сторон, как бы ограждая поселение от всего мира. Могучие стражи сделали проход в деревню по суше совершенно невозможным.

За моей спиной, безжалостно разрушая иллюзию прозрачного рая, прозвучал крик Стефа:

– Никакого электричества и ограниченное водоснабжение, полная изоляция от мира.

Стеф ободряюще хлопнул меня по плечу и пошёл собираться на выход. Я приподнялся со своего места вслед за ним и, повторно окинув взором картину девственной природы, обомлел.

Быстроходный катер нёс меня поистине к «раю». Никогда прежде не видя такого белого песка, такой лазурной воды, такого голубого неба и убийственно яркого солнца, я готов был признать, что свои тридцать шесть лет прожил зря. Я не видел ничего прекраснее. Царящее волшебство дополняло то ли видение, то ли невероятная реальность...

Она стояла на краю выступа высокой скалы и тянула руки к солнцу. Казалось, её руки ласково гладят ветер, а он играет с её чёрными, как смоль, разбившимися в воздухе волосами.

Ничего поэтичнее невозможно было представить и придумать. Говорят, существует лишь одна мера для таланта – во-

ображение. В момент лицецерения этого я почувствовал себя совершенно бесталанным и даже более того: абсолютно бездарным «нехудожником», не способным ни фантазировать, ни мечтать. Напрочь позабыв о своём фотоаппарате, я не допускал даже мысли о том, чтобы передать в снимке то, что жадно пытались ухватить мои глаза.

– Кто это? – сам себя спросил я и приложил руку козырьком, закрываясь от солнца. Оно мешало своим светом разглядеть сияние тёмной звезды, которая повелевала ветрами.

– Это Лии, – ответил мне оказавшийся рядом Мон.

– Лии... – замороженно повторил я.

– Да. Она дочь шамана Мадаха. Как прибудем, сразу отправимся к нему. Салоне привыкли к тому, что время от времени их посещают туристы и учёные, потому они не обратят на нас никакого внимания. Без одобрения Мадаха с нами даже не заговорят, – продолжал Мон, но я его не слышал.

Моё прекрасное «виденье» спрыгнуло с утёса скалы и скрылось в густых изумрудных зарослях. И только тогда я перевёл взгляд на своего собеседника.

– Что ты сказал? Салоне? – переспросил я, словно очнувшись ото сна.

– Так бирманцы называют мокен, – пояснил Мон.

– Ясно... ясно... А на каком языке с ними говорить?

Загадочно улыбнувшись и устремив свой взгляд в том направлении, где я только что лицецерел Покахонтас, Мон многозначительно произнёс:

– На языке души и жестов...

– Я серьёзно, английский?

– Немного, только с Лии, но она знает и ваш язык.

Моему удивлению не было предела. И давно забытое щекочущее ощущение радости от предвкушения зародилось в моём сердце.

– Откуда? – только и смог вымолвить я с дурацкой улыбкой на губах.

– Она Хонгкван.

– Что это означает?

– Хонгкван переводится как «дар».

– Она полиглот?

– Что это означает? – теперь уже удивился Мон новому слову.

– Полиглот – это человек, знающий много языков, – пояснил я.

Наконец и мне предоставилась возможность хоть кому-то продемонстрировать силу своих знаний.

С того самого момента, как я поднялся на борт нашего самолёта, я стал сомневаться в уровне своего IQ.

– Тогда да. Лиа Ханкунг – полиглот, – с какой-то распирающей гордостью заявил Мон и тут же добавил:

– Предупреждая твой вопрос... Лиа Ханкунг на вашем языке означает «цветок ночи».

Мотор катера смолк, и я услышал тишину. Именно тишину, наполненную шелестом моря и дикими, даже эротичными

ми криками птиц. Это было поразительно. И это была тишина в моём понимании. Мягкая, тёплая, ленивая тишина.

По мере нашего приближения к берегу громче и громче нарастали детские голоса и крики, постепенно разрушая торжествующую магию.

Перед нами предстала деревня из сорока пяти соломенных-бамбуковых лачуг. По берегу бегали чумазые, горластые дети, и действительно, как и говорил Мон, на нас не обратили ни малейшего внимания.

Однако, когда Лара вытащила на берег свои рюкзаки, битком набитые алкоголем, сигаретами и всевозможными сладостями, вокруг неё собралась жадная, нетерпеливая толпа. И даже шаман для одобрения не понадобился.

Я схватил свой аппарат и, мигом сменив оптику, начал щёлкать всё подряд.

Со мной такого не бывало. Всегда, прежде чем «щёлкнуть», я проводил целый ритуал. После двух выпитых чашек капучино я доводил до истерики всех визажистов, а затем и саму модель. После мне требовалось выпить два бокала холодной *Mondoro Asti*, и дело шло, но исключительно у меня одного.

Сейчас, глядя в объектив своего фотоаппарата, я ужасался, и шампанское бы вряд ли помогло.

Несомненно, в этом месте и у этого народа присутствовал экзотический, неповторимый колорит, но его обесценивало и принижало убожество разноцветных европейских тряпок

с дурацкими никчёмными надписями. Абсолютная неуместность американских бейсболок – это просто бесило меня.

Мне всегда доставляло страшное мучение отсутствие стилевой целостности. Терпеть не могу эклектику в любом её проявлении. Самым же возмутительным и тяжело переносимым для меня являлось вопиющие кощунство и мародёрство. Именно так я характеризовал моменты, когда с Троицкого моста или с Дворцовой набережной, исторического центра Петербурга, открывался изумительный и роскошный вид на набережную Петра и на дом военморов – памятник архитектуры между прочим, и на фасад, обращённый к Неве, и на гигантские вывески: «Мегафон» по одну сторону от монументальной скульптурной группы Матрос и Кораблестроитель, а меж ними ботик Петра I, и вывеску «ВТБ» – по другую.

Или когда с Невского проспекта твоему взору открывается вид канала Грибоедова, ведущий тебя к увенчанному девятью главами Спасу на Крови, но прежде чем ты это всё увидишь, твоё созерцание красоты осквернят ярко-красные и синие, абсолютно неуместные огни «Пепси».

«Ель моя, ель, словно Спас на Крови...»

На многих поэтов и творцов «налетела грусть» по этому поводу...

Я поумерил свой гнев и пыл, когда заметил, что добрая часть цыган была всё же одета в свои традиционные одежды.

На мужчинах было что-то напоминающее странные ры-

бацкие штаны, а женщины были обёрнуты в длинные отрезки разноцветной ткани, в виде самодельного сарафана, длиною достающего до щиколоток.

Такой наряд назывался саронг. Мужчины тоже носили его, обернув отрез вокруг бёдер. Выходило что-то вроде шотландской юбки.

Как мне довелось убедиться на собственном опыте чуть позже, ношение саронга требовало некоторых навыков, а именно – плавности и неспешности в движениях. Тут напрямую работала поговорка: «Поспешишь – людей насмешишь». Бельё под эту одежду по традиции не надевали.

Пока я фотографировал и злился, злился и фотографировал, Лара с Владом и Эдом раздавали подарки и гостинцы.

Один мужчина-мокен широко мне улыбнулся одними голыми дёснами, я не увидел в его ротовой полости ни одного зуба. Мужчина не был стариком, примерно одного возраста со мной, сухой и худой как жердь, он безумно улыбался и кивал всем вокруг, выпучив свои оливковые глаза.

– Нуто. Нуто... – шамкал беззубый мокен.

– Вас зовут Нуто?! – обрадовалась Лара. – Я поняла...

Лара приложила ладонь к своей груди и медленно произнесла:

– Лааа-рааа.

– Лара... Лара... – тут же подхватили благодарные мокен.

Влад стоял посреди стайки детей, как длинное дерево, и высоко над головой держал прозрачный пакет с конфетами.

Худые и чумазые дети подпрыгивали, как обезьянки, пытаясь выхватить заветный пакет и дёргая в разные стороны его за льняную рубашку. Лица маленьких чертят были вымазаны чем-то белым. Как будто они поочерёдно окунули свои мордашки в сахарную пудру.

Эд стоял в стороне, нацепив на нос солнечные очки, сжав руки крестом на груди и широко расставив ноги, изображая из себя телохранителя Лары. Его легко можно было принять за Кевина Костнера из фильма «Телохранитель», если бы не малый рост и шарообразное пивное пузо.

Из глубины деревни показался Стеф в сопровождении Мона. Стеф был чем-то взволнован. Он сделал быстрые короткие шажки в нашу сторону и, щурясь на солнце, нервно утирая обильный пот со лба, крикнул в мою сторону:

– Приготовьтесь, мы идём на знакомство к шаману этого племени. Он приглашает нас к себе.

– Как ты хочешь, чтобы мы подготовились, Стеф? Надеть нам саронги? – засмеялась Лара.

– Не смешно! Выпрет нас отсюда, и будешь знать. Где мой рюкзак с подарочным виски?

– Вот, держи, Стеф, – протянул я рюкзак Стефу.

Краем глаза я заметил, как трое мужчин обступили подошедшего Мона и наперебой стали что-то требовать от него.

Суть их претензий была мне не ясна, так как я не мог понять ни слова.

– Таукей, таукей... – так они обращались к Мону.

Он достал из-за пазухи небольшой свёрток и быстро сунул одному из мужчин. Остальные тут же успокоились и разошлись.

Мон заметил мой интерес к происходящему и подошёл ко мне.

– Ник, давайте поспешим. Все ваши уже далеко, – сильно улыбаясь, сказал он.

– Ну, не дальше острова, – ответил я, и мы оба рассмеялись над моей шуткой.

Мы двинулись вслед за всеми. Я оглянулся на мужчин, и Мон тоже оглянулся.

– Интересно, что я им дал? – заключил Мон.

– Интересно, – не стал отрицать я.

– У одного из салоне захворала жена. Сильные боли не дают ей спать по ночам, и он попросил меня достать для неё небольшое количество опиума...

– Понятно... – ответил я, и мы пошли дальше молча.

Я шёл и думал о прогрессивной медицине, и о бедной женщине, и о заботливом муже, и у меня кое-что не складывалось.

– Мон, – неожиданно прервал я молчание, – давай отправим эту женщину в больницу на той лодке, что нас привезла?

Мон даже остановился, подивившись моему предложению, и я остановился тоже.

– Я понимаю, Ник, – осторожно начал он, – ты хочешь помочь, но не надо.

– Не совсем понимаю, почему?

– Салоне боятся врачей, «другого мира» и всего, что не поддаётся их пониманию... Они доверяют только мне. Я их единственная связь с цивилизацией. И я помогаю, как могу.

– Да, я понимаю, – ретировался я, и мы продолжили путь.

И с чего это я решил поиграть в Робин Гуда? Что на меня нашло?

Мои неприятные мысли вмиг улетучились, как только я поднял глаза и увидел её.

Шагая твёрдой походкой, широко размахивая одной рукой, второй она сжимала подол своего саронга, задрав его выше колен. Она шла напрямиком на нас. Черничный водопад волос, точно шёлковый плащ, развевался за её спиной. Тёмно-зелёный саронг туго обтягивал точёную фигурку, выдавая мне чёткий контур восхитительных форм.

Я прежде за всю свою жизнь и за весь свой внушительный опыт не видел такого гордого изысканного лица. От внешности южноазиатских женщин во всём мире никто и никогда не ожидал ничего подобного, тем более я. Как правило, имея низкий рост и склонность к полноте, азиатки были для меня все на одно лицо. Видел одну – видел всех! Широкое, плоско-овальное лицо. Губы, как правило, тонкие, глаза раскосые и глубоко посаженные с нависающим верхним веком. На мой вкус и в моей оценке красоты, такой типаж был «позади планеты всей». Но та, что сейчас приближалась ко мне, могла считаться прекраснейшим из существ, когда-либо живших

на этой планете.

На узком овальном с высокими скулами лице гневно сверкали чёрные, раскосые глаза, как у ехидны. Её брови были сурово сдвинуты, и меж ними залегла слабая чёрточка, придавая выражению лица какую-то детскую непосредственную очаровательность. И эти пухлые губы, как у ребёнка после сна... но она была женщиной. Женщиной, которая будила моё мужское естество совершенно нормальным, но постыдным для меня образом. Она просто шла и сердилась, а я... со мной творилось что-то непонятное. Я был возбуждён и восторжен, дышал через раз, и хотелось, чтобы это моё новое ощущение длилось вечно.

Интригующее существо, говорящее на неведанном мне языке, действовало на меня сверхъестественным образом. Создание красивое, гибкое и в данный момент агрессивно настроенное.

– Таукей! – крикнула она и перешла на бег.

Шедшего до этого рядом со мной Мона я не увидел, когда повернул голову в его сторону. Оглянувшись назад в надежде найти его и выяснить, что говорит моя дикая красавица, я застал Мона, пятившегося по принципу рака. Он что-то бормотал, выставив перед собой обе руки для защиты.

– Чан ца атибай ту кян, чинчаннок, Лии. Ман пэн кранцу таай!!! – быстро пробормотал Мон и заулыбался собачьей улыбкой.

– Ты кто? – приблизившись в упор, строго спросила меня

ЛиИ.

Подойдя так близко, что я смог почувствовать тепло её тела и уловить запах какого-то удивительного цветка, ЛиИ вскружила мне голову. Я тонул в тёмных водах её бесконечно глубоких глаз и не мог вымолвить ни слова. Её прекрасное лицо поплыло, смешавшись с голубым небом, и меня поглотила тьма.

* * *

Очнувшись, первое, что я увидел, было вновь лицо ЛиИ. И я ещё раз убедился в реальности её существования.

Сейчас в любопытно-спокойном взгляде не было злобы, она смотрела просто и изучающе, склонив голову набок.

Глаза, которые столь внимательно изучали меня, напомнили мне глаза лисёнка фенека. Такие же чёрные, как оливки, и такие же продолговатые, как миндаль. Женщина с глазами животного – удивительное сочетание.

– Ты упал. Солнце жаркое, – сказала она, ломая звуки букв, привычные моему слуху. – Пить?

Она протянула мне пластиковую бутылку воды. Я поднялся с земли и, усевшись, прислонился спиной к широкому стволу какого-то экзотического дерева. Всё вокруг меня, вся земля была усыпана красивыми крупными цветами сливочно-белого цвета. Я узнал запах. Насыщенно-густой, цветочно-сладковатый запах с оттенком свежей зелени. Это был её

запах. Этот сладкий аромат вскружил мою голову, когда она приблизилась.

Поспешно сделав пару хороших глотков из бутылки, чтобы вновь позорно не лишиться чувств, я наконец смог привести свой пульс в размеренный ритм.

Она продолжала изучающе смотреть на меня и вдруг улыбнулась, обнажив свои ровные белые зубки.

«Мон был совершенно прав, – подумал я в этот момент. – Она дар, жемчужина этих диких мест. Как же её до сих пор никто не вывез отсюда?» – удивлялся я.

– Лучше? – спросила Лии, кивнув.

– Да, спасибо, – солгал я.

Не зная, куда глядеть и чем занять свой разум, я поднял с земли один из валявшихся вокруг меня цветков.

– Что это? – показал я на цветок.

– Лилавади. Они символ вечности души.

И Лии взяла цветок из моих рук, заложив его себе за ухо.

– Лии – это твоё имя?! – радостно озвучил я свою догадку, как идиот. – Твоё имя, как этот цветок? – не унимался во мне мой щенячий восторг.

В недоумении кивнув, она с серьёзным беспокойством взглянула на меня.

– Ты и вправду как этот цветок, – наконец успокоившись, сказал я.

Но Лии не восприняла мои слова как комплимент. Для неё это было простой очевидностью, что её назвали в честь

цветка, белого нежного цветка. И ей совершенно не был понятен повод моего торжества и восхищения.

Надо сказать, что в иной ситуации я бы тоже себя не понял. Я, в принципе, не восторженный человек. Будучи законченным скептиком и пессимистом, я влачил безрадостное существование, и мне это не доставляло никаких неудобств, но вот окружающие жаловались. И если в земной жизни было что-то интригующее и прелестное, так это возможность всё изменить. Я сам жаждал и ждал того момента, когда лучи жизнерадостности появятся на моём мрачном небосклоне. И вот те на! В последний раз я так улыбался, когда ещё верил в Оле Лукойе.

Тем временем моя собеседница совсем помрачнела и вновь сурово нахмурила чёрные брови.

– Ты таукей? – сердито спросила она.

– Нет. Я Ник, – улыбнулся я и протянул ей руку исключительно для пожатия.

Лии тоже протянула свою руку, но лишь для того, чтобы забрать у меня бутылку.

– Я подумала, что ты из этих... этих сгодов.

– Сгодов? – не понял я.

– Я ругаюсь, – пояснила Лии и оторвала от своего саронга кусок ткани.

– Ты хотела сказать скотов? Скот, правильно?

– Правильно, – кивнула Лии и вылила из бутылки на тряпку остатки воды.

– Чтобы жить, мOKEN должны меняться, – прорычала она, глядя на меня в упор. – Морские огурцы, улитки, ракушки – всё дорого, для китайцев. МOKEN получают взамен от таукей немного денег, инструменты для работы, топливо, рис и опиум, но всегда в небольших количествах. Так можно держать на крючке. Это злое снадобье им уже необходимо...

ЛиИ подползла ко мне совсем близко, как гремучая змея.

– Узнаю, что ты таукей... убью, – прошипела она и, взгромодив мне на голову мокрый кусок тряпки, отпрыгнула в тот же миг.

Я сидел в тени дерева вечности души и «обтекал». Струи, сбегаящие по моему лицу, попадали мне в глаза и мешали любоваться быстро удаляющейся от меня ЛиИ.

Мои «единомышленники» так и нашли меня, сидящего в белых цветах с блаженной улыбкой на губах.

Первой подошла Лара и, сев со мной рядом, взяла цветок лилавади и прокрутила его, зажав меж пальцев.

– Они называются плюмерия или франжипани, – начала рассказывать мне Лара. – Тут везде растут кустарники с этими цветами, мимо них невозможно пройти – такие они красивые и ароматные. Нотки апельсина и жасмина... и свежесть.

Лара поднесла к лицу цветок и втянула его аромат. Будто хотела убедиться в собственных словах.

– В Таиланде франжипани был запрещен, – продолжила она, – на местном диалекте название дерева звучало как «го-

ре», и считалось, что, посадив плюмерию, люди привлекут к себе несчастье. Но Возлюбленный Король поменял это название на «лилавади», и с тех пор эти деревья цветут повсюду. Видишь, как у них всё просто: поменять «горе» на «красивую девушку» и жить себе дальше счастливо. Мы так не умеем, – как-то горько заключила Лара и покинула тень своего дерева.

Следующим ко мне подсел радостный Стеф. Он что-то стал писать в своём толстом блокноте, периодически мне улыбаясь загадочной улыбкой. Я прямо-таки начал ждать «сюрприза».

Стеф, закончив писать, закрыл блокнот и убрал его за пояс своих брюк, а карандаш, как обычно, сунул за ухо.

– Мы остаёмся, – восторженным шёпотом сообщил он.

– Хорошо, – ответил я.

– Мы остаёмся и увидим то, что мало кому доводилось видеть прежде.

– Что же это?

Мне было совершенно неинтересно.

– Праздник «Лой Руи», – ответила за Стефа вернувшаяся Лара.

Она села от меня по другую сторону, протянув бутылку с водой.

Я чувствовал себя как лежачий больной, которого все по очереди навещали.

Взяв из рук Лары бутылку и открутив пробку, я собирался

вдоволь напиться, но Лара выхватила у меня бутылку и сама жадно к ней припала.

Напившись вдоволь вместо меня, она заявила:

– Вообще-то, я себе принесла, а тебе давала только открыть.

Она отёрла губы тыльной стороной ладони, вновь протянула мне бутылку и, как бы сжалившись, прибавила:

– Ну, если хочешь, можешь попить.

Её настроение явно улучшилось, и мне было лестно осознавать, что я тому виной.

– Самая важная церемония мокен, – помешав нашему флирту, влез и начал занудствовать Стеф, – главный праздник, и мы на нём будем! Фотки получатся огонь... Ааа, Ник? А?

Стеф противно засмеялся и больно ткнул меня локтем в бок.

– Надо будет спросить позволения, – одёрнула его Лара.

– Да брось, Ларуш. Пару фото для статьи – никакого вреда.

– Это может «прозвучать» как неуважение, – не сдавалась Лара.

– Старик-шаман нам всё позволит... Наш Мон оказался «парень не промах». Он подсказал мне верную вещь. Этот шаман Модха у нас на крючке.

– Мадаха! – поправила его Лара.

– Да, Мадаха. У меня тяжело с этими именами...

Стеф совершенно не чуял опасности в теме разговора. Он вообще, если можно так выразиться, не держал носа по ветру. Лопух!

– И что же подсказал тебе Мон? – поинтересовался я, тем самым подливая масло в огонь. – За такие дела в этой стране смертная казнь.

– О чём это ты, Ник, – удивилась Лара. – Стеф... ты... ты что имел в виду?

– Наркотик, Лара, – сдал с потрохами я друга, не спуская с него глаз. – Лара, кто такой «таукей»?

– Это что-то вроде агента. Их так мокен называют. Обычно это китаец, малайзиец или бирманец. Кто-то, кто говорит на языке мокен, иногда даже живёт среди них на своей собственной лодке и берёт в жёны женщину племени. Таукей этого племени – Мон, который привёз нас сюда.

– У него тут есть жена? – похолодев от ужаса, спросил я.

– Как нам только что поведал Мадаха, женой Мона скоро станет его дочь – Лии Ханкун. Нам, кстати, надо бы её найти. Мадаха сказал, что она знает пять языков... – продолжала щебетать ничего не подозревающая Лара.

– Вместе поищем, – поднялся с места Стеф, пряча свой блокнот для записей. – Ник, что с тобой?

Стеф что-то говорил, а его слова доносились до меня каким-то странным гулом. На минуту я подумал, что мне опять стало плохо. Очевидность происходящего была для меня прямо-таки безобразной. Этот сукин сын «Лебединая коро-

на», или как там его... Мон!!! Он посадил старика на опий и хочет Её. А она? Согласна ли она? Мне предстояло это выяснить...

– Я иду с вами! – резко поднялся я, предложив руку Ларе. Она удивлённо посмотрела на меня, но приняла мою помощь. И мы втроём отправились на поиски дочери шамана.

* * *

Сама деревня была небольшая, но во владении Лии был целый остров, который она знала, а мы – нет.

Бесплодные часовые поиски заставили нас вернуться к нашим хижинам. Надо сказать, что в хижинах на острове располагались только мы, шаман Мадаха и одна женщина мокен с новорождённым. Все остальные мокен ели, спали, одним словом, жили на своих лодках- «кабангах».

«Дети моря», как я их назвал, большую часть жизни проводят в лодке «кабанг», которую строят сами, вручную. Берут цельный ствол дерева и выжигают изнутри углями для растяжки. Снаружи оплетают бамбуком и верёвками, сделанными из растений. Бока кабанга делаются из лёгкой Салакки, благодаря чему лодка становится непотопляемой.

Я видел, как старик Нирун учил своего сына Нгуя строить кабанг. Отец и сын то и дело гладили обтёсанный ствол, произнося «заклинательные» слова.

Прежде чем Нирун и Нгуй срубили дерево для кабанга,

они полдня просидели под ним, обращаясь к его духу с молитвой.

Представляете, как бы поменялась наша жизнь, если бы мы начали жить по законам и верованиям мокен?! Мы бы ходили к мусорным бакам со священной молитвой о прощении, стояли бы на коленях у рек и озёр, в парках, после шашлыков.

А можете себе представить склонённую в тихой молитве всю строительную компанию перед вырубкой леса? Смешно, правда?...

Для мокен их лодка-кабанг является местом рождения и местом смерти, как для нас – наша Земля.

Лодка кабанг – подобие тела человека. Части лодки на языке Чао Ле называются так же, как и части тела человека. И у лодки есть душа, как и у нашей природы. Отношение «детей моря» к лодке и к их морю очень трепетное. Наше же отношение к нашему дому оставляет желать лучшего.

Я бесконечно преклоняюсь перед теми людьми, которые экономят воду, занимаются разделением мусора перед избавлением от него. Преклоняюсь перед теми, кто не заказывает воздушные шары и отказался от полиэтиленовых пакетов. Сам же я к их числу не отношусь и никогда не стану заниматься подобной ерундой:

«Беречь и сохранять чистый мир для наших детей» – не мой удел.

Мы сидели с Ларой недалеко от берега и наблюдали за

кропотливой и завораживающей работой Нируна и Нгуя.

Вообще, я бесконечно могу смотреть на три вещи: на воду, на огонь и на то, как другой человек работает.

Вот и теперь мы следили за работой, любовались морем, жарили рыбу и хлеб на костре, всё «бесконечное» было передо мной, но Лии нигде не было...

– Расскажи мне про этот праздник, – попросил я Лару, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Лой Руи?

– Угу, – дожёвывая хлеб, подтвердил я. – Как это переводится?

– «Уплывающие лодки» – по смыслу так. Это церемония очень важна. Один раз в год, во время последнего полнолуния сухого сезона мокен отмечают этот праздник.

– Как наш Новый год?

– Да, точно... только своеобразнее, – посмеялась Лара над моим сравнением и продолжила. – Изготавливают миниатюрную копию настоящей лодки – кабанг и, погрузив в неё все беды и неудачи, отправляют лодку в открытое море. Так племя настраивается на своё будущее в наступающем году.

– Ну, точно, как мы на Новый год, – настаивал на своём я. Вдруг Лара стала очень серьёзной.

– Они считают, что в этот день открыты ворота между нашим миром и миром душ природы и их древних предков. В этот день мокен могут общаться с умершими... Немногим дают участвовать в этом, и я не позволю Стефу всё испор-

тить. Это очень важно для меня!

– Почему, Лара?

– Ты будешь смеяться...

– Обещаю, что нет.

Лара отвернулась от меня и почти шёпотом произнесла:

– Три года назад мой муж и трёхлетний сын разбились на Выборгском шоссе... – Лара прервалась на мгновение, а затем продолжила чуть тише. – ...У Дена должна была состояться конференция в Выборге... и мы решили поехать вместе и провести там выходные... Он был так рад... Всю дорогу дразнил меня «женой миллионера». Мы любили с ним мечтать и строить грандиозные планы. Эта сделка... несостоявшаяся сделка..., в общем, возлагали мы на неё большие надежды и... даже уже «отложили» нашему сыну Ванечке на обучение за границей, мне купили небольшое издательство... так нам мечталось, и счастливей женщины, чем я была тогда, не было.

Лара уже не скрывала своих слёз, они просто катились по её щекам, подбородку, при этом она пыталась улыбаться, но голос срывался, и лицо её искажала гримаса отчаянной боли.

Выжидающе я молчал, не зная, что возможно сказать на такое. Сама мысль о потере любимого человека, да что там, мне было страшно даже полюбить кого-то. Я искренне восхищался теми чудаками, которые в наше время не боялись создавать семьи и плодить детей. На свадьбах мы с друзьями обычно заключали пари, ставя ставки на краткосрочность

данного брака. И, как правило, через год, в лучшем случае через три, мы с теми же приятелями отмечали развод нашего очередного новоиспечённого холостяка. «Соединение двух влюблённых сердец» всё больше и больше год от года терпело фиаско. Но случай Лары... подобное и представить было страшно. «Возможно ли женщине пережить смерть своего ребёнка?!» – задавался я немым вопросом, а ещё мне пришли на ум мысли о никчёмности собственного существования. После подобных историй начинаешь чувствовать себя даже не то чтобы неловко, скорее, бездарно и ненужно. Подобные истории вызывают чувство собственного стыда и отвращения. Беспричинная депрессия, маета, меланхолия и беспочвенное уныние – всё это, в сравнении с катастрофой жизни Лары, ...просто тошнило от самого себя. Я слушал Лару и думал, размышлял и слушал, а она продолжала мучать мою совесть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.